

Пшибышевский Станислав

**Номо sapiens: Роман в 3
частях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С75

С75 **Станислав П.**
Ното sapiens: Роман в 3 частях / Пшибышевский Станислав – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 408 с.

ISBN 978-5-519-80045-7

ISBN 978-5-519-80045-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Фалькъ всталъ съ мѣста. Вѣдь это были его лучшія воспоминанья.

А этотъ высокій верзила, который всегда доставлялъ имъ книги, — какъ его звали?

Интересный человекъ...

Долго не могъ вспомнить его имени. Ахъ, наконецъ-то: Лонгинъ.

Фалькъ вспомнилъ, какъ однажды Микита пробрался въ запертую, по обыкновенію, копуру Лонгина и утащилъ книгу, которую тотъ не хотѣлъ дать ему.

Вдругъ, въ одно воскресенье опять холодъ въ комнатѣ... Онъ проснулся. Необычайное зрѣлище: Микита—въ одной рубахѣ, съ ключомъ отъ двери въ рукѣ, Лонгинъ—взбѣшенный до послѣдней степени, дрожащій отъ злости.

— Открой дверь!—шипить Лонгинъ съ театральнымъ пафосомъ.

— Полож' книгу, тогда открою.

Лонгинъ въ геройской позѣ рассказывалъ большими шагами назадъ и впередъ по комнатѣ.

— Открой дверь!—крикнулъ опъ хриплымъ голосомъ.

— Положи книгу.

— Ты человекъ образованный, благсвоспитанный и потому не допустишь какого бы то ни было ограниченія моихъ правъ.

Такъ обратился Лонгинъ въ Фальку. Опъ очень любилъ говорить напыщенными, цвѣтистыми фразами.

— Я очень сожалью, по влечъ, въ несчастью, у Микиты.

Лонгинъ опять торжественно подошелъ къ кровати Микиты.

— Послѣ этого я не считаю тебя образованнымъ человекомъ.

Это было величайшее оскорбленіе, когда-либо нанесенное имъ.

— Открой дверь! Подчиняюсь пасилію и оставляю тебѣ книгу.

Боже! Какъ они смѣялись тогда. Кромѣ того, было воскресенье. Они, собственно, должны были идти въ костелъ. Но они не любили костела. Оставались брны своимъ атеистическимъ воззрѣнiямъ.

Во всякомъ случаѣ, это было не безопасно. Фанатикъ-законоучитель шпионилъ въ костелѣ...

Ха, ха, ха!

Фалькъ припомнилъ, какъ сидѣлъ однажды въ костелѣ противъ своей „богини“—и, желая выгладѣть интереснымъ и привлекательнымъ, всю безконечно длинную обѣдню просидѣлъ въ неудобной позѣ, въ какой видѣлъ какъ-то на картинѣ Байрона, сидящаго на могилѣ Шелли.

И была же послѣ этого исторiя.

Онъ снова хотѣлъ припяться за работу, но не могъ собрать мыслей. Въ его мозгу все плясало и вертѣлось вокругъ этихъ чудесныхъ воспоминанiй.

Безсознательно грызъ ручку пера и повторялъ хорошия это были времена!

А какъ они вдругъ открыли Ибсена, когда „Брандъ“ совсѣмъ свелъ ихъ съ ума...

Все или ничего! Это сдѣлалось ихъ девизомъ.

И они разыскивали копуры бѣдняковъ, собирали вокругъ себя дѣтей пролетарiата.

Снова Фалькъ увидѣлъ себя въ мансардѣ.

Пять часовъ утра. Стулъ деревянныхъ багмаковъ, словно кто пушки тащилъ по лѣстницѣ.

Потомъ дверь отворяется и другъ за другомъ входятъ: мальчикъ, дѣвочка, снова два мальчика, двѣ дѣвочки, вся компанія наполняется ими.

Всѣ группируются у печи, возлѣ большого дубоваго стола.

— Микита, оставай. Я ужасно усталъ.

Микита бражится.

Онъ не можетъ встать. Цѣлую ночь возмiлся съ латинскимъ урокомъ.

Вдругъ оба вскакиваютъ, взбѣшенные, полные ненависти другъ къ другу.

Отъ холода зубъ на зубъ не попадаетъ.

А потомъ: онъ, возлѣ печи, дуетъ и бранится, потому что дрова не хотятъ горѣть, а Микита разогрѣваетъ на спиртовкѣ большой горшокъ съ молокомъ

Физиономіи ихъ понемногу проясняются.

Дѣти накидывались на хлѣбъ и молоко, какъ волчата, — Микита стоялъ сбоку, сіяя отъ радости.

А потомъ: дѣти прочь!

И послѣ этого они обмѣнивались дружескими взглядами.

Фалькъ исполненъ былъ какой-то сердечной теплоты.

Онъ давно ужъ забылъ все это. А, между тѣмъ, одному Богу извѣстно, сколько человечности и красоты заключалось во всемъ этомъ.

Потомъ привычное чувство стыда, что поймали другъ друга на этомъ умиленіи—вѣтъ, они называли это эстетикой, и, въ заключеніе,—споръ.

— „Пѣснь о Пибелунгахъ“ не болѣе, какъ пустая, безцѣльная болтовня. — Микита отлично зпалъ слабыя стороны Фалька.

Съ этимъ Фалькъ, попятно, не могъ согласиться. Онъ возражалъ съ необыкновеннымъ жаромъ и рѣзалъ хлѣбъ.

Микита былъ хитеръ. Онъ постоянно вовлекалъ Фалька въ споръ и съѣдалъ въ это время паръзаные ломти хлѣба, чего Фалькъ даже не замѣчалъ въ пылу увлеченья.

И вдругъ: Боже мой! уже на двѣ минуты опоздали. Они хватали книги и бѣгомъ спѣшили въ школу. Онъ впереди, Микита, прихрамывая, сзади. — Вылѣчилъ ли онъ теперь свою ногу? — Фалькъ обыкновенно только тутъ замѣчалъ, что голодець Микита съѣлъ весь хлѣбъ—хитрый парепы!

Потомъ...

Фалькъ задумался.

„Брандъ“ въ примѣненіи къ любви. Все или ничего...

Онъ снова задумался.

Собственно онъ разрушилъ всю будущность Инины.

— Гм, а зачѣмъ она не могла оторваться отъ него? А какъ онъ донималъ ее изреченіями и прямолинейностью Бранда!

Да, въ всякаго сомнѣнія, онъ до известной степени гипнотизировалъ ее. Чѣмъ же явнымъ можно объяснить, что она убѣжала изъ дому и доѣхала за нимъ?

Непріятно. Въ сущности, онъ никогда не любилъ ея. Хотѣлъ только посмотрѣть, какъ въ дѣвушкѣ развивается любовь. Недурная идея для восемнадцатилѣтняго парня, который читалъ тогда Бюхнера и этого „triste cocon“ Бурже.

Надо бы навѣстить ее.

Нѣтъ, лучше не надо. Если бы она могла, наконецъ, забыть о немъ...

Онъ поднялся и сталъ задумчиво прохаживаться по комнатѣ.

Вѣдь это отвратительно все снова и снова увлекать ее, а потомъ становиться въ позу логически мыслящаго человѣка и объяснять, что любовь слѣдуетъ подавлять въ себѣ, что любовь—это чувство первобытныхъ людей, пѣчто въ родѣ болѣзненной сыпи на духовной жизни поваго человѣка.

Да, тутъ онъ былъ непоколебимъ!

Если бы только она захотѣла быть повеселѣе.

Онъ вспомнилъ вдругъ, какъ она однажды отвѣтила на его насмѣшливые доводы:

— Я желала бы только, чтобы ты когда-нибудь полюбилъ... серьезно полюбилъ...

Какъ она была наивна. Нѣтъ—нѣтъ... Старый волкъ въ Кенигсбергѣ зналъ, чѣмъ это пахнетъ—о! онъ проникъ въ сущность любви: любовь, несомнѣнно, является лишь болѣзненнымъ про-

явленіемъ... Да, Кантъ былъ знатокъ въ дѣлѣ любви...

Онъ закурилъ папиросу и растянулся на диванѣ. Что-то рисуетъ теперь Микита?

Этотъ человѣкъ обладалъ сверхъестественной силой.

Съ такимъ трудомъ пробиваться въ жизни и ни на шагъ не отступить отъ разъ намѣченнаго пути.

Теперь онъ могъ бы уже нажать состояніе, если бы хотѣлъ рисовать такъ, какъ рисуютъ другіе.

Эти ужасные годы въ университетѣ!

— Микита, нѣтъ у тебя десяти пфенниговъ?

У Микиты не было ничего; съ самаго утра онъ неутомимо перебиралъ свои вещи, отыскивая десять пфенниговъ, которые должны же были куда-нибудь завалиться.

— Итакъ, будемъ поститься?

— Кажется... Микита не отрывался отъ своей работы.—И потомъ—ты, быть можетъ, слышалъ уже—деньги въ настоящее время имѣютъ очень малую цѣнность.

— Да, да—я слыхалъ.

— Ну, вотъ!—и Микита продолжалъ рисовать.

Голодали ужасно!

Фалькъ содрогнулся.

Онъ совершенно обезсилѣлъ отъ голоду.—Удивительно, какъ онъ еще не сошелъ съ ума окончательно. А одинъ разъ онъ, совершенно ослабѣвъ, упалъ на улицѣ и чуть не былъ растоптанъ.

Подъ конецъ у нихъ остались только однѣ брюки. Когда Фалькъ уходилъ въ университетъ, Микита рисовалъ въ одномъ бѣльѣ.

Тутъ Фалькъ громко расхохотался.

Онъ вспомнилъ, какъ мать прислала своего приказчика съ деньгами. Она продала тогда лѣсъ. Всѣ трое отправились въ трактиръ и сидѣли тамъ съ утра до поздней ночи. Приказчикъ возвращалъ

ся домой на четверенькахъ. Минута поминутис хваталъ его за ногу, пока, наконецъ, разсерженный приказчикъ не ткнулъ его изо всей силы каблучкомъ въ самый носъ.

О, Боже! А какъ приказчикъ, когда его начал тошнить, выбилъ головой стекло, не будучи въ силахъ открыть окно...

И снова припомнилъ Фалькъ цѣлыя недѣли голода и нищеты; онъ съ пѣжностью думалъ о матери, которая всегда въ самую трудную минуту посилъвала на помощь.

Онъ растрогался.

Да, да, мать... мать...

Ну, Микитъ, вѣроятно, пришлось изрядно поголодать въ Парижѣ.

Х, хе — вотъ они тѣ, что пролагаютъ новые пути.

Фалькъ грустно улыбнулся.

Нѣтъ! Наперекоръ всему! Лучше погибнуть съ голоду, чѣмъ отступить хоть на шагъ!

Что это, собственно, было? Что поддерживало его, несмотря на всѣ неудачи, обиды, ненависть?

Онъ снова прилежъ.

Великое, чуждое искусство, искусство новыхъ мировъ, міровъ, лежащихъ по ту сторону явленій, по ту сторону сознанія, по ту сторону осязательныхъ формъ—мировъ, столь неуловимо пѣжныхъ, что всякіе переходы ступеньваются и сливаются—мировъ, скрытыхъ въ одномъ взглядѣ, въ одномъ движеніи, въ одномъ мелькающемъ секундѣ...

Онъ тяжело вздохнулъ.

А новые символы... Новое слово, новая краска, новый звукъ...

— Все это ужъ было!

— Нѣтъ, нѣтъ, милостивый государь, не все! Не было муки, заслоняющей собою всѣ муки, не было наслажденія, претворяющагося въ муку, не было дѣлаго ряда новыхъ понятій, въ которыхъ сливались бы воедино всѣ чувства... да, да, не было

еще тѣхъ тысячъ впечатлѣній, которыя испытатъ въ состояннн два, три и ужъ никакъ не болѣе десятка современныхъ намъ людей... Всего этого не было, иначе его поняла бы и толпа, толпа, которой нужны столѣтья, чтобы пережевать малѣйшую крупицу мысли.

Въ концѣ концовъ, быть можетъ, и лучше, что не каждая газетная клочья понимаетъ это, иначе художнику пришлось бы стыдиться себя самого.

Онъ смотрѣлъ на кудрявое облачко дыма, который тонкими струйками выливался изъ пацирокъ и вился кверху причудливыми завитками.

Однажды онъ видѣлъ потокъ, нарисованный подобнымъ же образомъ на китайской картинѣ.

Вдругъ ему послышался голосъ Микиты.

Да, онъ припомнилъ: никогда впослѣдствн не переживалъ опъ такого мистическаго, не поддающагося выраженiю, настроенiя. Онъ былъ тогда болѣе, не могъ раскрыть глазъ, лицо его распухло.

Микита ухаживалъ за нимъ; о, онъ умѣлъ ухаживать! День и ночь бодрствовалъ опъ у его постели. А когда Фалькъ не могъ уснуть, Микита читалъ вслухъ. Да, читалъ „Флорентинскiя ночи“ Гейне.

И Фалькъ слышалъ монотонное, нѣжное шѣпье; да: шѣпье, а, быть можетъ, молитву, которая постепенно стихаетъ, уносясь къ небу—словно помятiя волны озера, когда ихъ сглаживаетъ вечерняя тишь—молитву, все болѣе ясную, все болѣе шѣпчущую... онъ заснулъ.

II.

— Микита, братъ мой милый!

— Да, это я.

Они сердечно обнялись.

Фалькъ былъ очень взволнованъ.

Онъ бѣгалъ по комнатѣ, перекидывалъ съ мѣста на мѣсто всевозможные предметы и такъ и сыпалъ безъ передышки:

— Говори—говори, чего хочешь! Пива? Водки? Но погоди-ка! У меня имѣется великолѣпное то-кайское—мнѣ прислала мать—знаешь, еще отъ временъ отца осталось. Онъ былъ знатокомъ вина.

— Да успокойся же, наконецъ. Садись. Дай взглянуть на тебя.

Фалькъ, наконецъ, успокоился.

Они обмѣнялись счастливыми взглядами и чокнулись рюмками.

— Отличное вино! Но послушай, какъ ты плохо выглядишь! Вѣроятно, много писалъ?.. Чортъ возьми! Знаешь, твоя послѣдняя книга такъ встряхнула меня... пѣтъ, это было что-то необычайное! Покупаю книжку, начинаю читать на улицѣ, остапавливаюсь, книга такъ увлекаетъ меня, что кончаю ее на улицѣ и чуть съ ума не схожу. Ты величайшій художникъ!

Фалькъ покраснѣлъ.

— Меня это очень, очень радуетъ. Вѣдь именно ты требовалъ отъ меня такъ много. Тебѣ въ самомъ дѣлѣ нравится?

— Ну, еще бы!

Микита описалъ въ воздухѣ рукою широкій кругъ.

Фалькъ усмѣхнулся.

— Ты усвоилъ новый жестъ.

— Видишь ли, говорить не всегда можно. Всѣ эти неумовимо-нѣжные отгѣнки удается выразить только жестомъ.

— Да, ты правъ.

— Вотъ, папримѣръ, широкія липія, понимаешь, большой размахъ, движеніе—такъ сказать, горячее подводное теченіе,—по его понимаютъ лишь немногіе. Пошелъ я въ Парижъ къ одному изъ великихъ, къ главѣ натуралистовъ, или какъ тамъ они называются... Вотъ кто зарабатываетъ! Ну,

конечно, публика начинает теперь покупать этот *cinquième élément*, который Наполеономъ былъ открытъ въ Польшѣ,—la boue и нѣсколько картофельныхъ стеблей. Прежде покупали пряничныя картинки знаменитаго драпировщика и обойщика Его Апостольскаго Святѣйшества,—Рафаэлемъ ояъ назывался, не правда ли? Да, ну, а теперь пришла пора господъ, маляющихъ картофель и грязь.

Вотъ я и спрашиваю этого главу, зачѣмъ, собственно, они рисуютъ то, что въ натурѣ въ тысячу разъ красивѣе и, въ концѣ концовъ, вовсе ужъ не имѣетъ такого большого значенія. Глупости! Смыслъ!? Значенье!? Понимаете ли, сама природа..

Да, я понималъ.

— Природа является и содержаньемъ, и значеньемъ.

— Но все же, пожалуй, не картофель?

Тутъ художникъ картофеля заволновался.

— Именно картофель и есть природа, все остальное глупости! Фантазія? Фантазія? Понимаете ли, это просто смѣшно, фантазія лишь вспомогательное средство, употребляемое только въ случаѣ крайней необходимости..

Оба друга искренно хохотали.

Микита задумался.

Но теперь они увидать. У меня голова готова лопнуть отъ всевозможныхъ замысловъ. Если бы у меня была тысяча рукъ, я начертилъ бы тысячи линий, и тогда ты понялъ бы меня. Потому что, замѣть: человекъ забываетъ иногда говорить. Я былъ у одного скульптора—вотъ увидишь у меня его наброски... Я на кофляхъ ползалъ передъ этимъ человекомъ. Говорю ему: это великолѣпно! — Что? — Объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. Ахъ, вы это думаете!? И описалъ въ воздухѣ мощную линію. Вотъ этотъ понималъ... Но Боже мой, я все говорю и говорю, такъ что даже губы заболѣли,—какъ ты-то поживаешь? Не блестяще, а?

— Не блестяще. Въ послѣднее время много пришлось вынести. Эти тысячи тончайшихъ ощущений, еще не поддающихся выраженію словами, эти тысячи настроеній, которыя, какъ молнія, рождаются въ душѣ и такъ же быстро и неуволнимо исчезаютъ...

Микита вдругъ перебилъ его.

— Да, это именно такъ. Вотъ видишь, этотъ скульпторъ, этотъ гений—знаешь, что онъ сказалъ? Онъ это великолѣпно опредѣлилъ:

Смотрите, вотъ пять пальцевъ, ихъ можно видѣть, осязать—потомъ разставишь пальцы—но вотъ этого, того, что между пальцами, нельзя ни видѣть, ни осязать, а между тѣмъ оно-то и есть самое важное...

— Да, несомнѣнно, это самое важное, но оставимъ въ покоѣ искусство...

— Ты, вѣроятно, переутомился?

— Не могу этого сказать, но минутами все начинаетъ казаться мнѣ скучнымъ. Не быть въ силахъ черпать непосредственно изъ сокровищницы жизни, но жить всегда лишь сообразно съ тѣмъ, какъ сложатся обстоятельства, какъ они повернутся—и зачѣмъ собственно? Меня убиваетъ ужъ одна та мысль, что я едва въ состояціи непосредственно ощущать боль и наслажденіе, такъ какъ во мнѣ все становится литературой—чѣмъ-то искусственнымъ...

— Тебѣ надо полюбить.

— Микита! и ты даешь мнѣ этотъ совѣтъ?

— Да, да. Любовь! Любовь это нѣчто такое, что не является литературой, любовь не даетъ ощутить себя посредственно. Палетить мгновенно счастья, и человекъ готовъ прыгнуть въ небо, не думая о томъ, что при прыжкѣ можно сломать ноги; а придетъ минута страданья,—и будетъ терзать такъ ужасно и непосредственно—врочемъ, этого не опишешь, не подведешь подъ извѣстныя категоріи и опредѣленья...